

Цена 15 коп.

ГОД ИЗДАНИЯ - СЕДЬМОЙ
МОСКВА, ИЮНЬ 1928 г.

КРОКОДИЛ

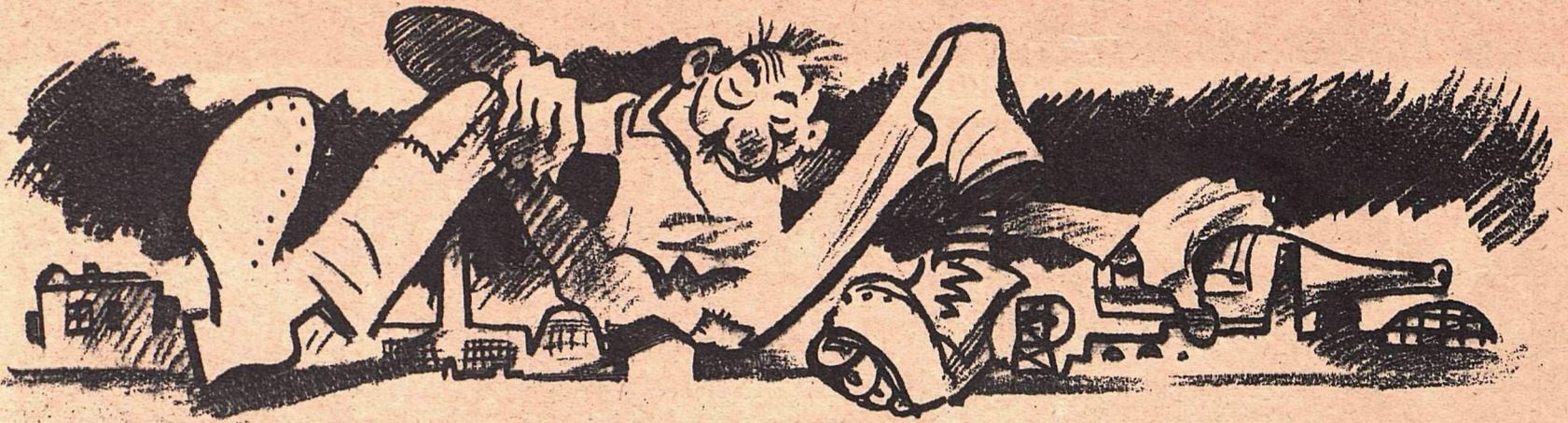
№ 23

ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ КУКУШКА

БЮРОКРАТ: — Кукушка! Кукушка! Сколько лет мне жить осталось?
КУКУШКА: — Ку - ку! Ку - ку!
БЮРОКРАТ: — Чепуха! Не может быть!

Рис. М. Черемных

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КУОРТАМ

Глава вторая

СОЧИ — ГАГРЫ — СУХУМ

(Продолжение)

Ехать на Туансе в Сочи, Гагры или Сухум можно и не морем, а другими путями разобше-ния.

В Сочи ездят по железной дороге. Поезд идет медленно, но все-таки иногда сходит с рельс. В очень плохую погоду он совсем не идет, потому что его может смыть в море ливнем или опрокинуть катящимися с гор камнями.

От Сочи до Гагр и Сухума туристы и курортники передвигаются при помощи ветхих и грязных самодвижущихся экипажей, известных среди туземцев под названием «автобусов». Москвич, увидев эти «автобусы», начинает чесать в затылке и терзаться поздним раскаянием:

— Было бы мне заблаговременно ознакомиться с особенностями местного языка!.. Слово-то совсем русское, а означает вовсе не то! И чего я, дурак, на пароходе не поехал!..

Любовь к истине заставляет однако автора отметить, что он своими глазами видел людей, доехавших в «автобусе» до места назначения живыми и почти невредимыми. Но, конечно, это были (до приезда) здоровые и выносливые люди.

Сочи—небольшой грязный городок, омываемый с одного бока морем и окаймленный разными деревьями. В нем нигде не вывешены надписи: «Просят не плевать и не сорить»; поздно было бы их вывешивать, потому что все уже заплывано и засорено.

Жизнь в Сочи дорога. Питание плохое. Лучшим кушаньем считается камбала: одноглазая рыба, которая в натуральном виде пахнет смесью хорошо-выдержанного утесленника с уборной, находящейся в антисанитарном состоянии. Когда камбалу подают под соусом, она пахнет немножко хуже.

Гагры представляют собою маленький кусочек земли, покрытой домами и растениями и омываемой морем. За маленьким кусочком есть и еще земля, но она расположена не горизонтально, а почти вертикально, и толку с нее поэтому мало.

Жизнь недешевая. Питание, вообще говоря, нет, но иногда и кое-где можно получить камбалу.

Сухум — живописный, пыльный (а в дождь грязный) городок, омываемый и т. д. Кроме того, он столица Абхазии. От Сочи и Гагр-Сухум с окрестностями отличается, между прочим, тем, что в нем нет не только питания, но и питьевой воды. Камбала есть.

В Сухуме имеется значительное количество гостиниц, но жить в них очень дорого. Вне гостиниц жизнь обходится зато очень дешево, потому что жить негде, а есть нечего. Впрочем, в гостиницах тоже нечего есть: ни рестораны, ни столовые при них не предусмотрены.

Жить, по правде говоря, негде и в Сочи, и в Гаграх, если только вам не предоставили свое-временна санаторной койки. Все, что вы можете сделать, это в несезонное время, когда наплыв приезжих невелик, найти комнату в частном пансионате; жизнь дорога, камбала и т. д. В сезонное же время... О сезонном времени мы, положим, вообще ничего не можем сказать. Если вы приезжаете (например, в Сухум) в апреле или мае,—старожилы выражают удивление:

— Что ж вы так рано приехали? Ни весна, ни лето у нас: плохое время. Летом—дело другое.

Попробуйте приехать в июне или в июле. Вам скажут:

— Что ж вы приехали-то когда? У нас и сезон-то только до июня считается. Самое ма-лярйное время выбрали, да и жара...

Насчет климата тоже затрудняемся сказать что-нибудь определенное. Приезжаете вы, обычно, в дождь. Старожилы говорят:

— Неудачно попали. Ну, да ничего: больше одного дня дождливая погода у нас не держится. Еще надоест вам солнце-то!

В день вашего отъезда тоже старожилы поздравляют вас:

— Ну, повезло вам: увидели все-таки и сол-нечные деньки... А иной придет вот так-то, ме-сяц проживет — и ни разу за все время сол-нышко не выглянет!

Вообще курорты Черноморского побережья Кавказа—они какие-то такие: не то экзотиче-ские, не то субтропические. А что это значит—мы тоже как следует не знаем. Может быть, оно и хорошо, а может быть, и наоборот.

При удобных путях сообщения, при сущест-вовании советских пансионатов и общежитий, при энергичных санитарных мероприятиях, при любезности и доступности совторгфлотской, ку-рупровской и всяких других администраций, при относительном благоустройстве и при про-чих культурных условиях было бы, конечно, не наоборот, а хорошо. Климат же—дело вто-ростепенное. Климат и в Москве есть,—и живут люди, не жалуются.

Но и при существующих условиях мы не предостерегаем товарищей от поездки на Чер-номорские курорты. Отчего бы здоровому че-ловеку и не проехаться? Он приобретет за-калку, выдержку и умение приспосабливаться ко всякой обстановке. Он запасется большим ма-териалом для воспоминаний и повествований. И когда при нем начнут рассказывать хвастли-вые историйки, иллюстрирующие живучесть и выносливость человека, он, помолчав, начнет:

— Это что!.. А вот, помню, ездил я в прош-лом году в Сухум и Гагры...

Никита Крышкин.

ВО ТЬМЕ

МКХ из-за экономии прекра-тило на лето освещение улиц, переулков и бульваров.

Во тьме, разбив физиономию,
Сердито граждане орут:
«Заставь их делать экономии,
Они и лбы всем расшибут!..»

ВОЗРАЖЕНИЕ МКХ

За что ж вы, граждане, сердиты?
Достойны брани мы навряд...
Вон, хулиганы и бандиты—
Те очень нас благодарят!..

Ф.

МЕТЕОРОЛОГИ

К вечеру с раскаленного горизонта начала за-ходить грозно нахмуренная туча.

На заводском дворе, вокруг новенькой машины, только-что освобожденной из ящика, остатки ко-торого валялись тут же, собралась куча народу.

— Это уж, говорю, верное дело!—рассуждал один из собравшихся.—Как вода в это место за-хлестнет, так крышка! У нас случаи бывали...

— Машина,—сказал другой,—она машина и есть. Человек, и тот сырости не любит...

Края тучи в это время прорезало молнией и вдали прогрехотал гром. На сизом небе вились бе-лые голуби.

— Теперича бы машину-то бы от греха бы...—сказал кто-то нерешительно, но его тотчас же пе-ребили:

— Про эту тучу, ребята, не сомневайтесь! Эта—стороной... Эта на Бедово сваливает... То-то дожда там!

— Ая, на нас!

— Ая, стороной!

Разгорелся спор, прекратившийся потому, что в спорящим подошел человек с седой бородой и в очках.

— Что же машину-то бросили?—спросил он.— Прикрыли бы, говорю, машину-то! Вишь, страсть-то какая заходит! Захлестнет вода — пиши про-пало!

— Думается, стороной туча-то, Николай Ег-орыч... Ветер-то кабыть не на нас...

Николай Егорович достал из кармана платочек и измерил направление ветра, который и в самом деле дул навстречу туче.

— Судя по всему,—сказал он, успокаиваясь,— действительно...

— Эй,—раздался в это время чей-то зычный окрик.—Машину-то! Машину, черти! Зальет!

— Не зальет! Бокон туча!

Окрикнувший, подойдя тем временем к маши-не, заинтересовался:

— Ясно—бокком... Вишь, встречу ветер...

— Ну?!—сказал он.

Глухой грохот грома заглушил конец фразы. Голуби уже не вились.

— Не знаю—правда ли, нет ли,—произнес кто-то мечтательно, — однако говорят старики, будто бы до Петрова дня ветер туче—не закон...

— Ма-ашину! О-олухи!—донесся в это время заглушаемый ветром вопль, и, обернувшись, все увидели бегущего на рысках к машине председа-теля производственного совещания Серегина.

— Ма-ашину прячь...

— Насчет этой тучи не сомневайся, — начал было голос,—эта туча стороной... Эта туча на Бед...

И как раз в эту секунду из буро-желтого края тучи вырвался ослепительный сноп огня, а душ-ный воздух раскололся от удара.

Ветлы за сараями выпрямились, как солдаты, стекла заводского корпуса блеснули красным и рыжим, а потом каждому показалось, будто на него сверху наставили пожарный шланг.

А. Авиллов.

ПИВНОЕ СОСЕДСТВО

Было все это? Нет, не было! Но быть может, так как суд четвертого участка в Смоленске, помещается в одном здании с пивной, при одной общей входной двери. А над ней пара вывесочек—и суда и пивной. Судебный же зал отгорожен лишь фанерной перегородкой. Заседание суда смешивается с возгласами из «Баварии». Такое уж соседство! Чорта ли тут поделаешь!

Заседание народного суда объявлено открытым.

— Обвиняемый Петров! Признаете ли вы себя виновным в нанесении оскорбления гражданке Пупышевой?

— М-м, признаете ли?! Раньше говорил и сейчас повторяю,—дура Пупышева, да еще какая. А если не верите, вызовите врача. Спросите свидетелей, сестру, брата.

— Гражданин судья! А какая же я дура, если на Хеймана иск об алиментах подала.

— Товарищ, дайте кружечку пива.

— Гражданка, не перебивайте!

— Кружками не подаем, бутылками только.

— Говорите по существу дела.

— Раки есть у вас?

— Пупышева, небось, хотела не только с Хеймана, но и с меня алименты содрать.

— Все вышли-с!

— Так, знаешь, понимаешь...

— Это куда же вышли?

— Говорит, что ее ребенок—это моя точная фотография.

— Разошлись по гостям.

— А я, может, на это дело и не способен.

— Меня маменька рожала, вся губерния дрожала... Эх, ты!

— Не верьте, батюшка, он больше всякого способен.

— Гражданин, здесь петь нельзя.

— Обвиняемый, садитесь! Свидетель Иванов, вы чем занимаетесь?

— Ничем, гражданин судья. Некогда!

— Как некогда?

— А так, почти все время сижу за воровство.

— Что можете сказать по данному делу?

— Добавьте горошку и дайте хорошенькую воблу.

— На кухне было дело. Пупышева сказала, что ее ребенок похож на Петрова.

— Иишо парочку!

— Вот он и заподозрил, что она, тае, содрать с него хочет.

— Пивом себя тешь, но больше ешь. Правильно сказано. Ну-ка четверочку копченной...

— Да ничего я не хотела. Хейман отец-то! А похож на Петрова.

Лопни мои глаза. Взгляните!

— Ну, так вот, за это сходство он и обложил ее дурой.

— Пирожки горячие!!! Пирожки горячие!!!

— Свидетель, садитесь. Обвиняемый, ваше последнее слово.

— Мне бы парочку пива.

— Минуту спустя суд удаляется на совещание.

С. П.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

— Получен?! Спешный?! Александр Семенович ждал его еще вчера... Что?! Лично?! Хорошо, положите здесь пока... И все-таки, товарищи, самое главное чего нам нехватает—это культурности: и в быту, и в работе. Например, Климентьев частенько опаздывает... Конечно, пять-десять минут на работе не отразятся, но рекомендуют Климентьева как человека, не усвоившего еще культурных навыков...

— Я, Андрей Иванович...

— Я вас ведь не обвиняю и взысканиям пока, обратите на это внимание, пока не подвергаю. Но... в товарищеской беседе указать должен... Или, например, Никифоров. Тоже нет культурных навыков: тихий, исполнительный работник, но окурки... Он раскладывает окурки по столу,—допустимо ли это?!

— Извините, Андрей Иванович, во время работы...

— Это-то и плохо, что во время работы. Значит с ног'ом не знакомы... Да и все вы, если как следует поразобраться: кто опаздывает, кто во время работы ведет посторонние разговоры, кто неопрятен, кто мешает другим... Алексеев пишет так, что весь стол ходуном ходит... Эх, что и говорить...

— Как же с пакетом быть, Андрей Иванович: «спешно и лично»,—второй час, а Александра Семеновича нет до сих пор...

— Вы, кажется, смешиваете самокритику с непосредственным и необоснованным осуждением руководителей, товарищ Ефимов?! По-вашему, Александр Семенович тоже должен являться к девяти часам на службу, пренебрегая делами... Так я вас понял?!

— Помилуйте-с, позволю ли себе?! Но они вчера еще беспокоились насчет пакета. Я и полагал...

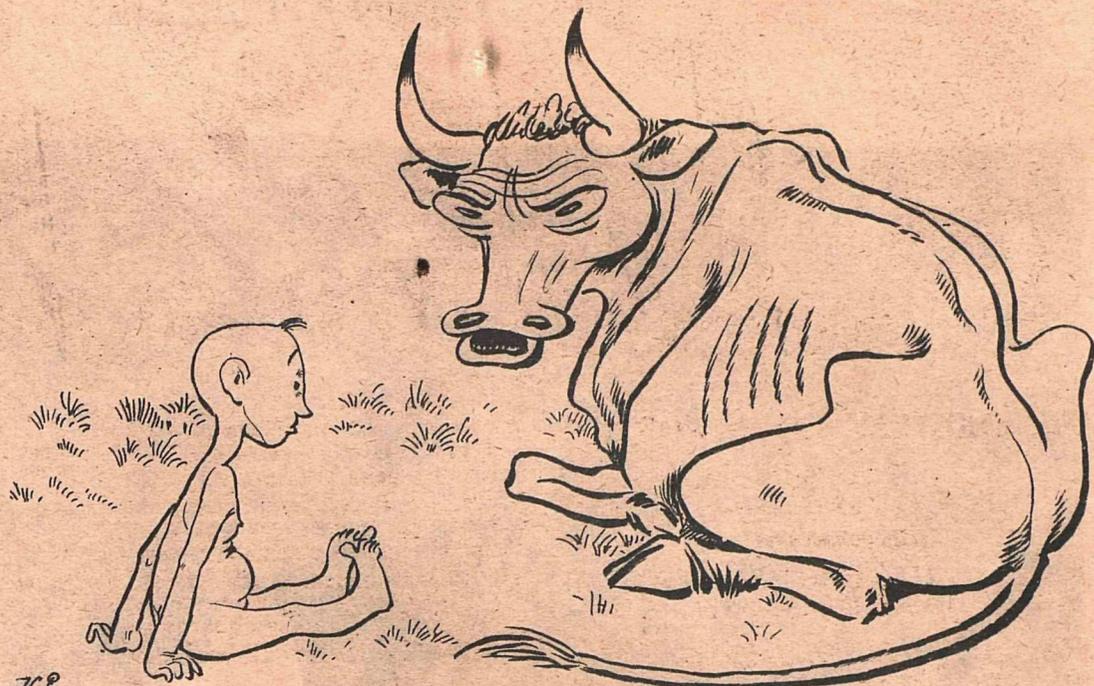
— А вы не полагайте. Ваше служебное положение полагать вам не позволяет. Впрочем, дело не в этом. Пакет надо доставить на дом. И вручить лично.

— Удобно ли, Андрей Иванович, на дому беспокоить человека?!

— И даже очень. Если по делу?! Ночью можно беспокоить, вот что. В этом и заключается культура. И Александр Семенович, как человек вы-

СОЗНАТЕЛЬНАЯ КОРОВА

Рис. К. Елисева

— Тетя корова, дай молочка-то...

— Ишь, скотина, чего захотел! Без кооператива и вне очереди!.. Ловчило!

соко-культурный, конечно, оценит и поймет... Но—не с курьером. Отнесите, Ефимов, сами. И вручите. Адрес знаете?!

— Александр Семенович Казанцев?... Кажется, дома. Вторая дверь по коридору...

Вторая дверь по коридору на стук Ефимова не ответила, ибо стук был в меру почтителен. Второй стук остался также без ответа. Ефимов приложил к двери ухо, чтобы обнаружить признаки жизни за дверью, и взвился к потолку: за дверью слышалось глухое хрипение, удары и треск.

«Налет... Ей-богу, налет...»—пронеслось в мыслях Ефимова и с отчаянной для его возраста и служебного положения храбростью он ударился всем телом о дверь, стремясь на помощь к Александру Семеновичу.

Дверь легко поддалась внутрь. Ефимов ввалился в комнату и застыл в позе не столько удивленной, сколько почтительной, ибо картина, развернувшаяся перед его подчиненным взором, была не совсем обычной.

Александр Семенович крепко держал свою жену за горло, бил ее по голове чем-то в роде машинки для снятия сапог и хриплым шопотом приговаривал:

— Я тебя выучу, ты у меня будешь, подлая!!! Я тебе покажу, как про воротнички забывать, растеряха чортова...

Поучаемая жена похрипывала и тщательно выдирала из затылка мужа небольшие клочки волос.

На скрип двери и шум ввалившегося человека Александр Семенович даже не оглянулся. Бросив свой внушительный шопот, но не прекращая основной работы, он крикнул:

— Сколько... раз... говорил..., чтобы... в мои... семейные... дела... ни один... чорт... не... вмешивался...

— Я-с, Александр Семенович!—взвизнул Ефимов.

— Кто?!—оглянулся Александр Семенович и, увидев Ефимова, толчком выпустил жену. Она покатила куда-то за перегородку и там внятно заохала.

— Я-с, Александр Семенович, со спешным личным пакетом...

Целким движением Александр Семенович схватил пакет, как жену шею, вскрыл, расписался на пакете и молча сунул Ефимову. Тот выстрелился из комнаты, как из пулемета.

Александр Семенович пошатал по комнате и обратился к жене:

— Ну, довольно ныть, дура старая! Теперь из-за тебя этот болван на все правление развонит, какая у меня жена прекрасная...

На другой день в правлении Александр Семенович вызвал к себе Андрея Ивановича:

— Послушайте, какого идиота вы ко мне вчера с пакетом прислали? Ведь это же... Я не говорю уже о высокой культурности, но он просто дикарь какой-то: входит в комнату без стука, не здоровается, грязный, из носу течет, по-моему. И, наверное, жену дома бьет...

— Он не женат, Александр Семенович...

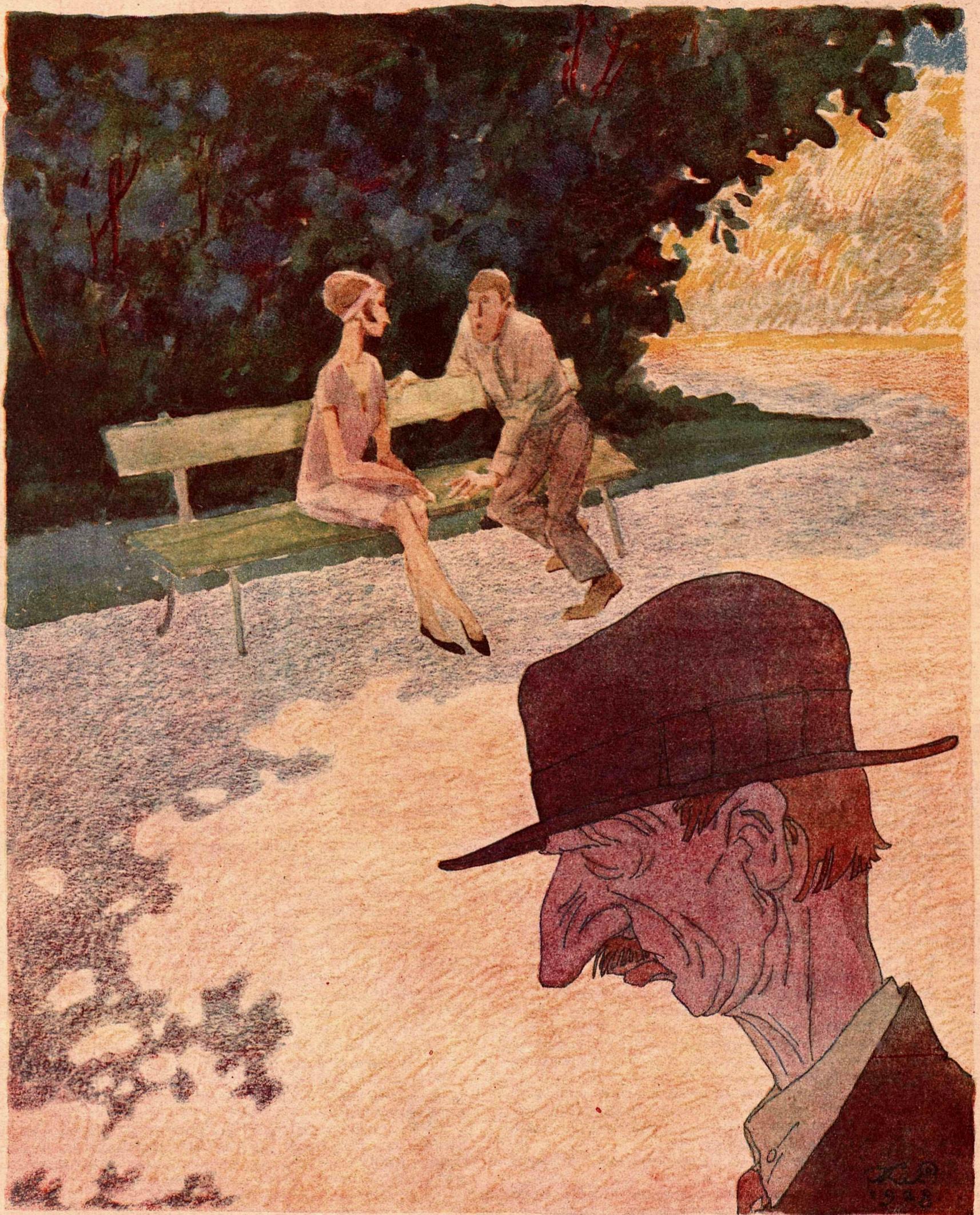
— Ну, еще хуже. Значит, с грязными женщинами путается, дерется, пьянствует. Он вам весь отдел заразит. Надо бы с ним расстаться, Андрей Иванович,—нельзя такое некультурье держать...

Судьба Ефимова была решена.

Л. Пешкин.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

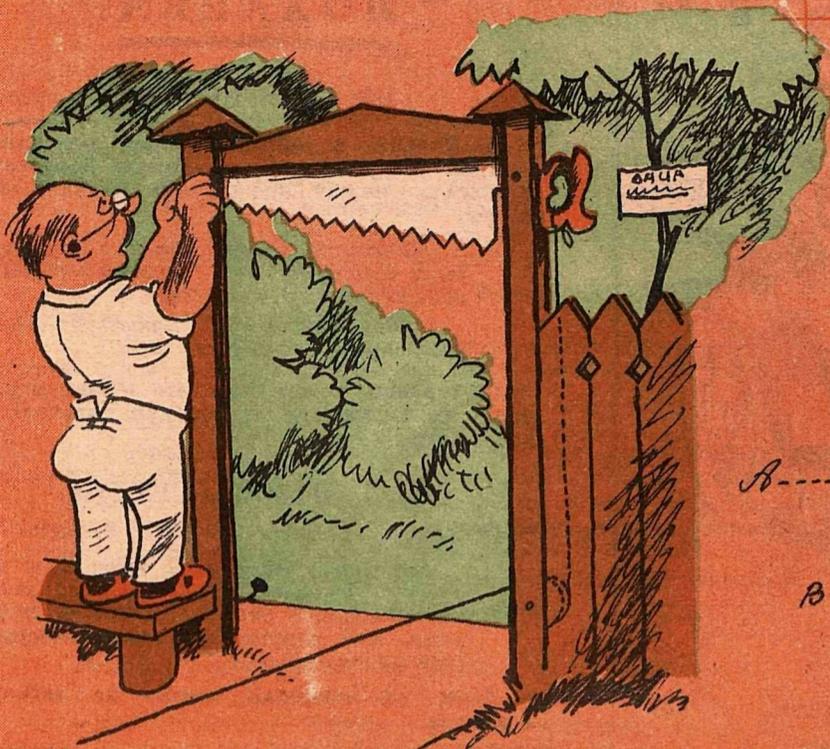
Рис. К. Елисева

— Беспечна молодежь... Сидят вдвоем, разговаривают, а о последствиях не думают: критикнут кого-нибудь невольно в разговоре... То ли дело — одиночество: и плохое про кого подумаешь, — ничего! Кто узнает!..

ТЩЕТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

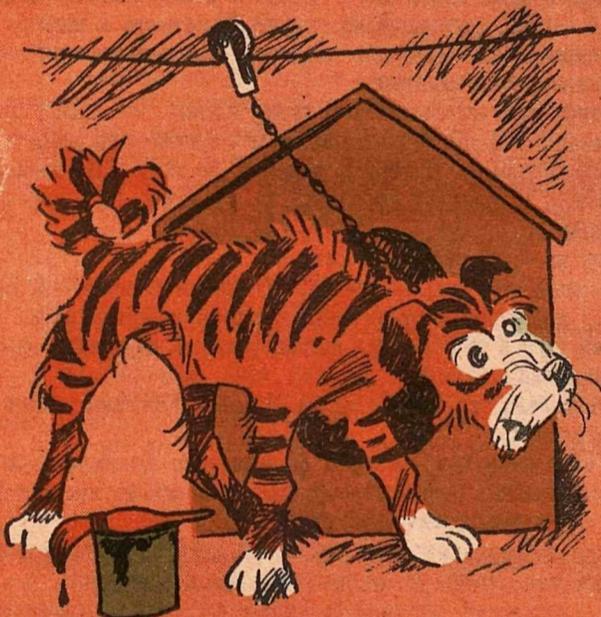
Рис. К. Ротова

— Прежде всего калитка: тут ни один дачный гость не пройдет: гость в калитку, а пилка его—по черепу и конеш!

— Если уж проскочит, — ему ядрышко в голову. Гость угошенья требует, — вот и пусть угощается. На здоровье!..

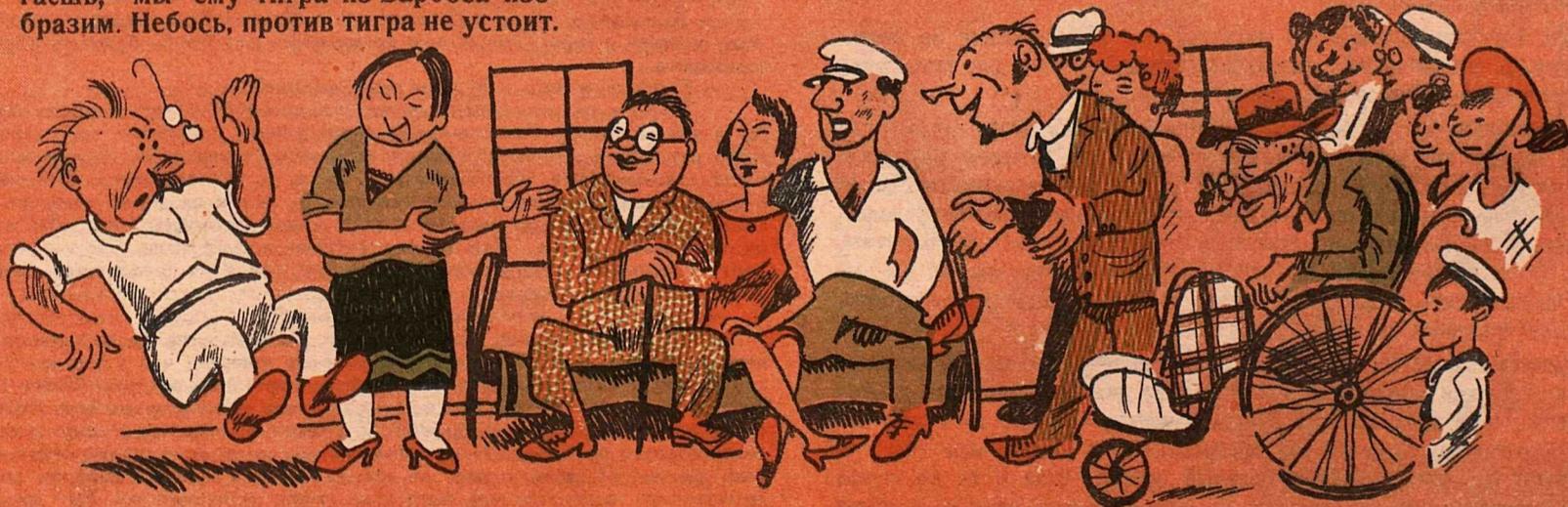
— „Злыми собаками“ гостя не напугаешь, — мы ему тигра из Барбоса изобразим. Небось, против тигра не устоит.

— А кто чумы не побоятся, — от докладчика сбежит. Не любят гостечки докладчиков, ох не любят!

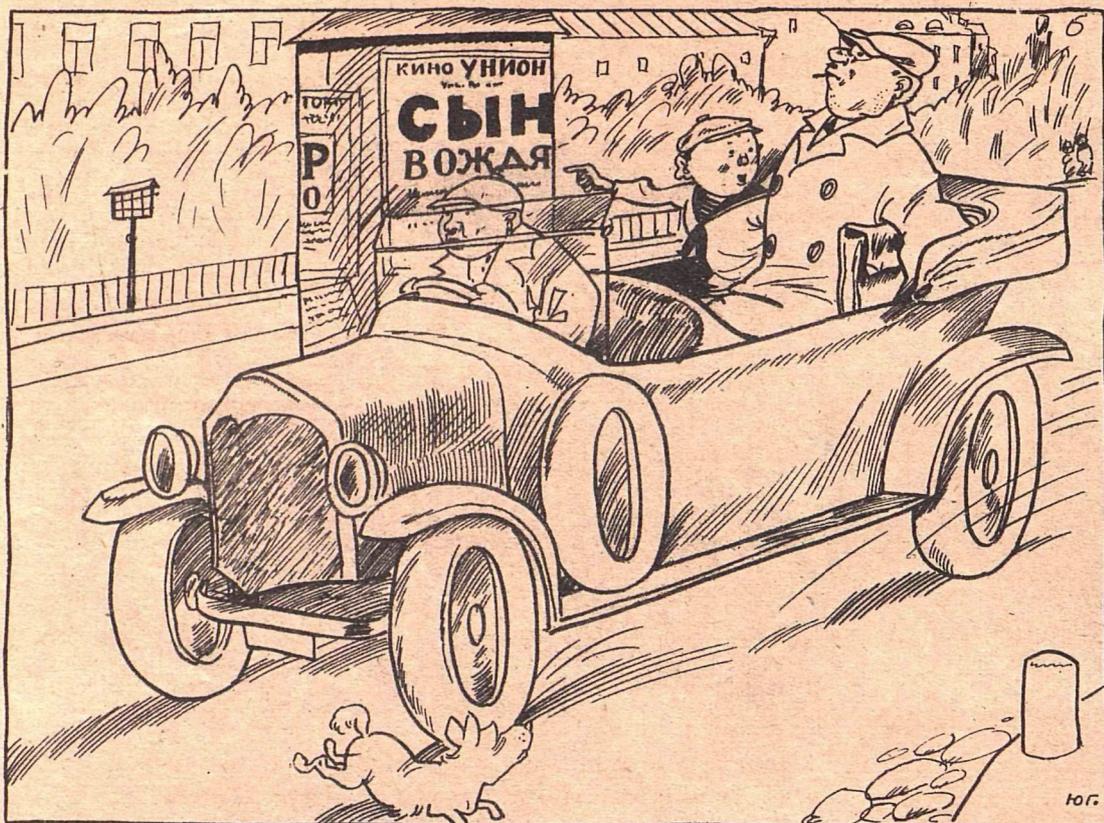

— Ну, теперь все предосторожности приняты, можно и отдохнуть спокойно: гостям ко мне ходу нет...

ГОСТИ: — А мы к вам. На несколько деньков... Леском, знаете, дошли и прямо к вам. С заднего хода...

Рис. Ю. Ганфа

— Папа, это про меня?..

ЛОХАНКА

НА СКОРУЮ РУКУ

Б. Пильняк в „Красной Ниве“ напечатал рассказ „Кафеджи Абдула-Гамида Второго“. В рассказе между прочим есть и такие шедевры:

Министры этого человека должны были делать доклады с чистым сердцем и обнаженными руками вверх...

...Абдул-Гамид убил министра тогда револьвером около своих ног.

По-турецки, может быть, это звучит и хорошо, но в переводе на русский получается, как видите, мрачно.

БЕЗ ЗАЗРЕНИЯ СОВЕСТИ

Откровенно пишет в „Недрах“ Д. Хайт:

На улицах цвела липа. Небо было глубокое и спокойное. На тротуарах продавали фиалки, и все голоса стали громкими. Над городом пролилось материнское молоко весны..

Липа, как известно, цветет не весной, а в июле.

Одно из двух: или у автора не обсохло на губах материнское молоко, или писал он самую откровенную „липу“.

КОЛЛЕКЦИЯ ЛАКИРОВАННЫХ

2. ТОВАРИЩ НИЗОВОЙ.

Товарищ Низовой, Борис Юрьевич, для лакировки пользовался исключительно демократией.

Демократией он лакировался и в личной жизни и в служебной.

В личной жизни т. Низовой буквально поражал окружающих своим крайне демократическим образом существования.

При поездке на автомобиле он всегда садился рядом с шофером.

Стеснясь отведенной ему большой дачи, уезжал со всем семейством на добрую половину лета на юг. А самую дачу велел обнести высоченным забором, чтобы не расстраивать мимо проходящих граждан зрелищем невольного обростания.

Больше того! Борис Юрьевич играл даже в городки со своим дворником Степаном, умевшим, впрочем, проигрывать весьма тонко и деликатно.

Во взглядах на супружескую жизнь т. Низовой тоже был крайне демократичен.

Довоенную супругу свою, Марью Павловну, он брал, так сказать, за основу, внося постоянные поправки и дополнения иногда весьма демократического характера.

Но особенно блистал широкой демократией Борис Юрьевич на службе.

Контора, которой он заведывал, славилась на весь Союз вовлечением масс в работу. Массы сотрудников беспрерывно заседали. Заседали утром, днем, вечером и ночью!

Борис Юрьевич только зорко наблюдал, чтобы заседавшие не протянули ноги, и своевременно отдавал распоряжения резать для заседавших масс куски сыра на бутерброды потолкаще.

На заседаниях обсуждались и решались самые сложные вопросы: от доклада завхоза по поводу найденной в помещении конторы выеденной яичной скорлупы вплоть до самокритики. Но, так как направление прений и само решение устанавливались Борисом Юрьевичем заблаговременно, труд заседателей был в этом отношении значительно облегчен. Пленумы, секции, комиссии и подкомиссии принимали безошибочно именно то, что нужно было принять, и отвергали только то, что подлежало отвержению. Тут особой трудности не было.

Трудность заключалась в другом. От заседавших требовалось сложнейшее искусство так называемой мимики. Лицо каждого заседателя должно было непрерывно изображать требуемое моментом чувство. То нужно показать благодатную умиленность, то гражданскую скорбь или гнев, то беззаветную готовность, то беспредельный восторг. Одна и та же шутка председательствовавшего сегодня должна была вызывать ржание, а завтра скромное подхихивыванье.

Однако Борис Юрьевич не доводил свою контору до полного истощения. Заметив упадок сил у сотрудников, он оставлял их заседать самостоятельно, а сам отправлялся в заседательский набег на дружественные ведомства и учреждения.

На междуведомственные заседания т. Низовой всегда являлся с демократической своей свитой, состоящей из столяра Панфилова и шофера Семякина. Свита должна была удручать заседавшую интеллигенцию непонятными производственными словами.

— Ну-ка, Панфилович, выскажи твою точку зрения, — распорядится бывало Борис Юрьевич, и Панфилов, откашлявшись в кулачище, начнет:

— Я, конечно, не оратор... Говорить, конечно, не могу... Но промежду прочим, ежели взять, к примеру, фрамугу, то фуганить тут нужно по масштабу ее широты...

Семякин крыл по своей специальности:

— Что и говорить, это—действительно! Повело это у меня ось, разотрело подшипник, пришлось растачивать, подшипник наваривать, обошлось без притирки. Ну, а то раз конус выпал, скорость переменял, шестеренка в коробке и заела...

Интеллигенция делала вид, что понимает, а Борис Юрьевич глядел победоносно и торжествовал:

— «Эх, вы, аппаратчики!»—обзывал он мысленно угнетенных и неизменно выступал с речью о пользе демократии, ссылаясь на многочисленные примеры из своей демократической практики.

Применяя всеми вышеупомянутыми способами лакировку демократией, т. Низовой блистал, как хорошо отполированное красное дерево...

Б. Самсонов

ЖЕСТОКАЯ САМОКРИТИКА

— Купался я вчера с Константином Ивановичем. Между прочим, все лезет и лезет в гору. Сейчас еще кроме нашего губторга будет губстрахом заведывать...

— Говорят, у него в Москве рука сильная?

— То-то и оно-то. Сам-то он ничего из себя не представляет. Дурак. Но и это не важно. Главное—ведь он-то уверен, что умнее его никого на свете нет... Да-а... Значит, шли это мы с ним бережком к месту купанья и разоткровенничались. Разговорились. То да се, третье-десятое. Конечно, и о самокритике. Больше он сам говорил. То у нас плохо, то у нас не так. Работников подходящих нет и вообще людей достойных нет. Дал я ему наговориться вдоволь. Сам только слушаю и усмехаюсь. Но когда мы к месту купанья подошли и разоблачились, тут-то я уж больше не выдержал и покрыл его как следует...

— Любопытно, любопытно, как это было?

— Да очень просто. Ка-ак это он разделся и сразу, не оступив хорошенько, бултых в воду, тут я и заорал: сами кричите, что у нас достойных людей нет, а сами же жизнью рискуете, чорт бы вас дра! Жизнь ваша принадлежит республике! Вы не имеете права ею распорядиться! Ишь ты, какой хозяин нашелся! Безобразия!. Ну, конечно, подплыл к нему и за волосы обратно на берег. Он ругаться, то да се, третье-десятое. Но я все-таки настоял на своем, и пока он обсыхал—пошел вперед, измерил дно и дальше того места, где мне было выше пупа, не пустил его. Ему это, конечно, не понравилось. Он долго лаялся, грозил. Но я был непоколебим и заявил ему очень резко:

— Пожалуйста, можете на меня сердиться, можете со мной что угодно делать, даже вплоть до выходного пособия, но не забывайте, что сейчас у нас самокритика, и хоть я рядовой сотрудник, но тоже могу иметь свое мнение.

Б. Л.

РОКОВАЯ ОШИБКА

В Губкомпоте заведующие менялись не реже раза в неделю, а реорганизации, следовательно, происходили ежедневно.

Последний заведующий вот уж два дня, как канул в орграспред, и Губкомпот покорно ждал появления нового начальника.

На третий день утром к под'езду дома, где во втором этаже помещался Губкомпот, а в третьем — первоклассная гостиница «Красный Отдых», под'ехал извозчик. Из пролетки выскочил человек с огромным портфелем и торопливо засеял по лестнице.

Швейцар стрелой помчался по комнатам:

— По местам!.. Приехал!..

Навстречу начальству поторопился управдел.

— Пожалуйте, вот сюда, — обратился он к вновь прибывшему, открывая дверь председательского кабинета.

— Это для меня слишком роскошно, нельзя ли попроще...

— Не беспокойтесь, упростим-с!..

— И потом, зачем здесь этот дурацкий плакат «Без доклада не входить», достаточно он в канцеляриях глаза намозолил, — не унимался прибывший.

— Это ваш предшественник распорядился...

— Вот чудак, — расхохотался прибывший, — наверное какой-нибудь бюрократ необыкновенный... А скажите, подолгу у вас здесь живут?..

— Похвалиться не можем, — ответил с тоской в голосе управдел, — больше недели ни один не прожил, но мы надеемся, что в вашем лице мы найдем, наконец, руководителя...

— У вас наверное клопы? — подозрительно перебил его прибывший.

— Помилуйте, откуда бы им здесь завестись?!

— А где же кровать?!

— Сейчас распоряжусь, — пролепетал управдел и нажал кнопку.

Дверь бесшумно отворилась, вбросив в комнату завхоза.

— Распорядитесь, тов. Марков, упростить обстановку по их указанию и доставьте немедленно кровать поудобнее...

— Да не забудьте заодно, милейший, распорядиться насчет обеда, — добавил вновь прибывший.

— Простите, насчет этого я сам распоряжусь, — вставил управдел.

— Не пойму, — удивился прибывший, — почему у вас так много администрации и потом эти надоедливые машинки за стеной... Что там, канцелярия?..

— Была-с раньше... Сейчас ее не будет.

Управдел, шаркнув ножкой, помчался переселять машинисток и заказать главбуху обед. Главбух слыл в учреждении самым большим знатоком по гастрономической части.

Прибывший недоуменно пожал плечами:

— Что за чорт, с виду гостиница, как гостиница, а все как-то странно?!.. И этот не то управляющий, не то коридорный...

В комнату задом вкатился управдел, за которым сторож нес новенькую, закутанную в солому кровать, явно только-что купленную в магазине.

— Неужели у вас кроватей не хватает? — удивился прибывший, глядя в упор на запыхавшегося управдела.

— Дело в том, что никто из ваших предшественников не отдавал столько времени... и здесь не ночевал...

— А где же они, чорт побери, ночевали?! — рассвирепел прибывший. — Да ну ладно, это все неважно... Отдохнуть нужно... Устал я... Все время поездки и поездки...

— Если насчет обследования периферии, то можете не беспокоиться... Наш инструкторский аппарат справится...

Но вновь прибывший уже не слушал. Он бросился на расставленную кровать и захрапел.

Все учреждение жужжало как улей:

— Страшный демократ... Кабинет попроще... Прием посетителей круглые сутки... Даже ночевать будет здесь в кабинете... Сокращение будет ужасное, он уже Петру Ивановичу намекнул... А портфель-то у него какой?!.. Интересно, кого он к обеду пригласит, только заведующих, или?!

В соседней с кабинетом комнате шли торопливые приготовления к обеду. Вся семья главбуха, начиная с его супруги и кончая младшей дочерью, суешила у стола, расставляя дорогие закуски и тончайшие вина.

В суете никто не обратил внимания на скромного человека, который толкался из комнаты в комнату и терпеливо допытывался:

— Скажите, товарищ, Губкомпот здесь?..

— У нас реорганизация, товарищ, приема нет, — проронил на ходу управдел.

— Какая реорганизация? — сказал человек, повысив голос. — Я еще не приступил к работе... В чем дело?! А вы кто такой? — почти прокричал он, глядя на управдела.

— А вы-то сами кто? — оскорбился в свою очередь управдел.

— Я вновь назначенный заведующий Губкомпота, — сказал человек, протягивая мандат.

Управдел пробормотал что-то невнятное и тигром кинулся к кабинету.

После продолжительной бомбардировки кулаками дверь, наконец, приоткрылась и в коридор выглянула заспанная рожа.

— Кто вы такой?! Ваши документы?! — проревел управдел.

— Во-первых, не кричите, во-вторых, нужно было сразу взять документ, а не будить усталого человека, а, в-третьих, разрешите представиться: уполномоченный Главсоды по распространению изделий... Генеральная доверенность на весь юго-запад.

— Вон!.. — гаркнул управдел, — гостиница этажом выше!!!

— Безобразие! Издевательство! — закричал комивояжер. — Не могли сразу сказать! Выспаться даже не дают!

И забрав портфель с образцами, он, проклина чьих-то родителей, направился к выходу.

И. Амский.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Началось с пустяка. Напелескал приказчик из продуктового Фунтиков возле раковины в Настино дежурство.

— Довольно стыдно, — говорит Настя, вдова с семью детьми, — в мою уборку плескать. За всеми не наубираешься!

Фунтикову бы смолчать, а он — возражение. Слово за слово — и пошло.

— Погоди, — говорит Настя, — я тебе отплачу!..

И спустя полчаса приходит, совершенно верно, в магазин и спрашивает:

— Есть у вас, гражданин Фунтиков, мука-крупчатка?

— Есть крупчатка, — отвечает. — Сколько надо?

— Не в таких мы капиталах, — объясняет Настя, — чтобы крупчатку брать.

Я только справиться... Сеledку, не знаете, не доставили еще?

Не успел Фунтиков отбойриться от Насти, глядь, Настина дочь у прилавка:

— Почем, гражданин Фунтиков, масло подсолнечное?

— 30 копеек! Берете?

— Нет, не беру, — говорит Настина дочь. — Посуду дома позабыла... А крупа не подешевела?

А за Настиной дочерью дочери брат выглядывает и через голову кричит:

— Привезли рис, иль все еще нету?.. А ежели привезли, почем торговать будете?

Затопа Фунтиков ногами:

— Вон отсюда, стервецы!..

А к Фунтикову заведующий:

— С ума своротили вы, так с гражданами!..

— Какие к чорту граждане! — вопит не своим Фунтиков. — Это Настины дети.

Насилу-насилу человека водой отпоили.

Давно простила Настя Фунтикова, а вот подите... До сих пор у человека в голове не все винты в порядке... Как пригрудит к прилавку публика, как начнет допытывать почем да по сколько, так Фунтиков и скосит глаз: — Не явились ли опять Настины дети!..

М. Андр.

ВОТ ТАК КУЗНИЦА!

На Сев.-Зап. ж. д. 2 года строили кузницу, а когда построили, инженеры спохватились, что в ней нет... горнов.

(Из газет).

Не угодно ли вам наблюдать
Аномалию крупных размеров:
Тут вот надо бы горны вздуть,
А приходится вздуть... инженеров.

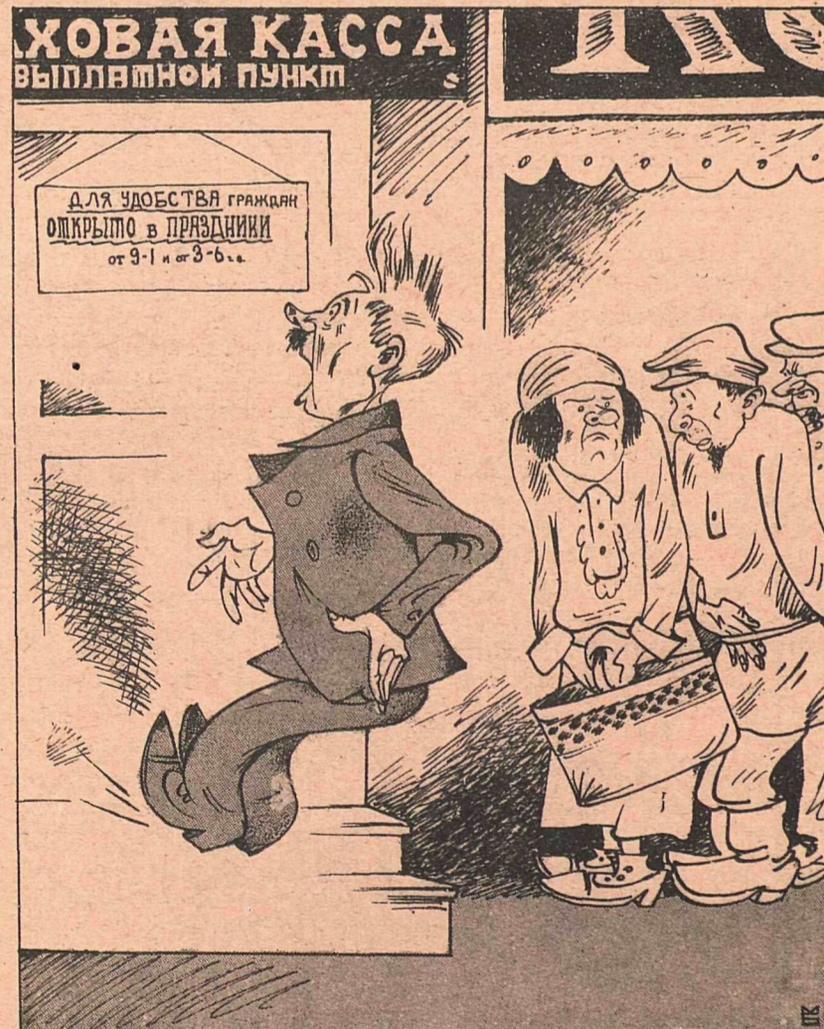
Ф.

НОЖ В СПИНУ

Страхкассам предложено работать и в праздники.

(Из газет).

Рис. М. Бабиченко

— Раньше-то хоть в праздники от очередей отдыхали а тут — накося: и в праздники — стой, и по вечерам — стой..

ПО ПЛАТЬЮ ВСТРЕЧАЮТ

Рис. М. Черемных

— Чего ты таким чучелом наряжаешься?... Койку, что ли, получать идешь?..
— Койку я уже получила, теперь за пособием иду...

ИВИАЛЬ В БОК

ДОРОГИЕ ЛЕНТЯИ

Лентяи могут радоваться. Оказывается, у нас ценится не только труд, но и лень. Вот, например, лень было кому следует подумать — и в результате на руднике им. Коминтерна в Криворожье валяются на свалке новые вагонетки.

Обошлись они в десять с лишком тысяч рублей. Если сюда прибавить спецставки тех, кому лень думать, то получится довольно кругленькая суммочка.

Гораздо дешевле обошлась бы одна хорошая железная тачка, на которой можно было выкатить с рудников дорогих лентяев.

НОВОСТИ ТЕХНИКИ

В Астрахани производятся опыты по управлению учреждением на расстоянии. Зав. рыбопромышленным техникумом Мартышев управляет аппаратом на расстоянии ста шагов. Для этого из техникума к себе на квартиру им проведен электрический звонок, которым он вызывает нужных ему лиц.

Следует ожидать, что соответствующие организации обратят на это внимание и изобретателю будет выдана премия... в размере двухнедельного выходного пособия.

БЕСХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ГОРОД

Горсовет в городе Никольско-Уссурийске существует уже пять лет, но только месяц назад он спохватился и обнаружил в городе 64 бесхозяйных дома.

Мы обнаружили гораздо худшую вещь: целый город без хозяина. Все тот же Никольско-Уссурийск.

СПЛОШНАЯ ЛИПА

Председатель Мысаевского сельсовета Долгушин с детства отличался склонностью к мечтательности. С момента же вступления в должность предсельсовета у него начались буйные припадки фантазии.

Во время очередного припадка он сочинил протокол пленума Мысаевского сельсовета, в котором указал, что он, Долгушин, сделал доклад о работе секции сельского хозяйства.

Во время обследования сельсовета выяснилось, что, во-первых, Долгушин не состоит председателем секции сельского хозяйства, во-вторых, эта секция ничего не делала и, в-третьих, она вообще никогда не существовала.

Мы начинаем сомневаться, существует ли вообще председатель Мысаевского сельсовета, так как нужно обладать долгушинской фантазией, чтобы принять его за настоящего председателя.

СОННОЕ ЦАРСТВО

Тяжелый случай сонной болезни имел место в Чувашпайторге.

Заснули коллективно все сотрудники этого уважаемого учреждения.

Сон продолжался целых два месяца, и в результате на ст. Алатырь два месяца простоял присланный в их адрес вагон со срочным грузом.

Пришлось уплатить за простой и хранение 500 рубликов.

Вот, пожалуй, и все... Остается только отметить, что каждое 1 и 15 сотрудники регулярно просыпались для получения жалования... Этому никакая сонная болезнь не помешает...

ОТМЕНА ПОСЛОВИЦЫ

— По одежде встречают, по уму провожают,—говорит старая поговорка.

Старуха явно врет.

И встречают, и провожают по разряду тарифной ставки!

Когда в пучежское общество потребителей пришел кочегар и слишком настойчиво просил отпустить ему хлеб по членской книжке, заведующий магазином Трусов позвал милиционера и приказал отправить кочегара в милицию „за хулиганское приставание“.

Не успела закрыться дверь за кочегаром, как в магазин вошла жена местного ответственного работника

Трусов шариком покатила ей навстречу со стулом и так приставала с услугами, что всем служащим конторы тошно стало.

Одного за приставание в каталажку посадили, а другого тоже посадят... на более высокую должность.

МИР СКОРБИ И СТРАДАНИЙ

Среди тяжелых форм идиотизма и кретинизма самой неприятной считается идиотизм отчетности.

Особенно сильно страдают указанным дефектом зав. ветеринарным делом на Украине К. Мартин и бич животных зав. орготделом Гусятинский.

Эти несчастные в болезненном припадке удумали такие формы отчетности для ветеринарных пунктов, что врачам приходится заниматься исключительно заполнением пунктов бесчисленных идиотских ведомостей.

В «Крокодил» доставлена кипа таких ведомостей. Впечатление жуткое.

Нам даже кажется, что тут пахнет не тихим идиотизмом, а эпизодической бешенства.

НЕСОЗНАТЕЛЬНОЕ МЯСО

Не везет сарапульскому ЦРК насчет председателей. Прежнего председателя Холкина сняли за разные художества. Новый — Чернов страдает припадками энергии.

Он заготовил столько мяса, что нехватило во всем городе льда, чтоб его сохранить!

Подлое мясо начало вонять на весь Сарапул. Чернов мужественно заткнул нос и приказал отправить все мясо в Москву.

— Там сожрут!..

Несознательные москвичи категорически отказались от этого весьма сомнительного удовольствия. Пришлось мясо отправить на утилизационный завод.

Жаль, что вместе с мясом не прихватили в Москву и Чернова, просадившего на мясной операции 4.674 рубля 99 копеек. Может быть, завод и его бы утилизировал. А впрочем, навряд ли...

ЗАМЕНА НЕОБХОДИМА

До чего строг заведующий Кособротской санаторией на Урале Шапиро, передать трудно. Недавно им издан приказ о порядке пользования электричеством, в котором, между прочим, сказано:

Когда жильцы лягут спать, свет должен быть потушен. У лиц, замеченных в нарушении настоящего распоряжения, на первый раз будет выключен свет на одну неделю, второй — на месяц, а третий — совсем.

Говорят, что Шапиро хочет дополнить приказ еще следующим:

— Кроме того, виновные будут штрафовать на два рубля. С заменой заключением.

Или... с заменой самого тов. Шапиро.

НАЧАЛЬНИК С ХАРАКТЕРОМ

Мягкосердечные администраторы всего нашего Союза могут поучиться искусству наводить строгость у начальника станции Бисер, Пермской дороги.

Фамилия его Соловьев, а занимается он тем, что не разрешает профсоюзным и общественным организациям вывешивать ни одного объявления без его визы.

Однажды он сорвал даже революционные лозунги и плакаты, повешенные без его визы.

Когда умудренные опытом сотрудники приносят Соловьеву на визу лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,—

Соловьев ухмыльнется и добродушно скажет:

— Не возражаю... Пуццай соединяются Это можно...

ОБОРОТИСТЫЙ ПАРЕНЬ

Рыба—тварь молчаливая. В самокритику не пускается.

Учитывая это обстоятельство, зав. промыслами „Молодая Гвардия“, в Астраханской губ., гр. Сукачев лихо орудует с воблой.

Привезла артель ловцов Ломакина воблы 12 тыс. пудов, а Сукачев принял ее за 10 тысяч пудов. В другой раз принял полторы прорези за 1000 пудов, а сдал на другой промысел одну прорезь за те же 1000 пудов, а 500 пудов осталось.

А ловцам даже за деньги отказывает в получении рыбы.

Положение ловцов, неважное. Действительно, на ловца и зверь бежит!

ЛОШАДИ ОБИЖАЮТСЯ

Лошадки Максимовской больницы, Луганского округа, жалуются на завхоза Ильина.

— Без отдыха работаем, а тут еще вози его в Максимовский клуб на партсобрания и дожидайся его там часами. Клуб же от больницы отстоит всего на одну версту.

— Единственно, чем мы утешаемся,—говорят лошади,—так это самокритикой: и-го-го,—вот это коммунист,—ржем мы, катая Ильина.

С ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ ПРОДУКЦИЯ

Дорогие наши читатели и почитатели не забывают время от времени присылать «Крокодилу» подарочки.

На-днях прислали акт осмотра коробки спичек и самую эту коробку фабрики «Красная Заря».

В коробке оказалось всего 34 спички, да и те без головок. Таких коробок оказалось в нескольких пачках немало.

Вот тебе и «Красная Заря»! Разгорайся, как хочешь!

Одни ли спички на этой фабрике безголовые?

ПОЛНАЯ ЧАША

Рис. К. Хомзе

— Что ж это у вас за кооператив, — кроме водки ничего нет?
— Помилуйте-с, у нас и пиво имеется...

ПОЖАРНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Конечно, городок наш незначительный, хотя и носит имя знаменитое, — Ленинск. Прямо надо говорить, — неважный городишко: мало того, что весь деревянный, — домишки-то — так себе! Правда, не Мострой строил, — держатся, но...

Однако — чудное дело! — оказывается, что и в маленьком городке, если без бюрократизма и казенщины за дело взяться, можно кое-что крупное сделать, то-есть такое совершить, что в памяти надолго останется. Но тут опять и человек нужен настоящий, а не какой-нибудь чинуша, — живой человек нужен для такого дела, которое в памяти запечатлелось бы!

И опять, к стыду нашего городенка, должен я признаться, что своего такого человека в нашем городе нет. Нет и нет, — что поделаешь?! Может, уже и родила женщина такого человека, только он еще в младенческих годах и подрастает, так что я-то, может быть, его и не дождусь. А вот приезжие, — те — да!

Как сейчас помню — и век не забуду! — торжественную ночь с 3-го на 4-е мая.

Мы с женой, как и все граждане города Ленинска, легли спать часов в двенадцать ночи. С полчаса поворочались, поговорили о том, о сем, — обсудили внешнюю политику Бриана, поворчали на кооператив и отошли ко сну. Спим мы, надо вам сказать, крепко; наш песик неизвестной породы, но под названием Джойка, должен в случае чего нас будить при помощи простого собачьего лая. И мучается пес над этой задачей до хрипоты, если приходится.

Да, так вот я и говорю. Легли мы, полег и весь город наш. И заснули. Спали, как обычно, накрепко. Не знаю, отменены ли советской властью «носозавертки» или нет, совершали ли мы контрреволюционное преступление, спавши во все в них, — но спали. И когда Джойкин вой достиг до наших объединенных сном органов слуха, то, видимо, с начала вой прошло немало времени.

Я, как более, по сравнению с женой, сознательный, — приподнял голову от подушки и облился от ужаса холодным потом:

— Сквозь зловетий Джойкин вой в двести лошадиных сил пробивался набат со всех церквей и во все колокола.

То же услышала и менее сознательная по сравнению со мной жена, и подскочила с супружеского ложа в два счета, хотя и не до того мне было, чтобы подсчитывать ее движения.

Вылетели мы на улицу, в чем Москвошвей одел, — а там столпотворение сплошное: в набат бьют, звуки разносятся, кто-то стреляет, женщины рыдают, пожарные скачут, — грохот и треск! И разговоры, предположения всякого рода:

- Империалистические акулы налетели...
- Бандиты наступают...
- Милиция перепилась...
- Внезапная ревизия в кооператив приехала...
- Пожарный женится...

Но среди всеобщей паники и ужаса те предположения все-таки оказались ложными, потому что к утру дело все-таки разъяснилось.

Из соседнего Дмитровского уезда изволили прибыть начальник УПО, то-есть пожарного отдела, и приказали ночью запустить тревогу со всеми онерами...

Правда, с перепуга только две старухи померли, да у Минкина жена в мозгах повредилась и ребеночка на восьмом месяце скинула, — но ту ночь помнит весь Ленинск и от нее свое летосчисление теперь ведет...

Вл. Павлов

БАСНЯ О КРИТИКЕ

Тов. Луначарский указал на непригодность резкого тона некоторых критиков. Бывает, что критик, радуясь появлению хорошей книги, иногда еще больше радуется появлению плохой, ибо может ее обругать.

(Из газет)

У критика жена прочла романчик новый
И мужу говорит, в восторге чуть дыша:

— Ну, Ваня, книга!.. Хороша!..

К борьбе и жизни в ней ликующие зовы!..

Какая красота пейзажей и интриг!

Какой богатый, красочный язык!

Как в зеркале, в ней наша вся эпоха!..

Ну, никакого ей не сделаешь подвоха!..

Услыша то, супруг в затылочке поскреб

И проворчал, наморщив лоб:

— Раз хороша, то это — очень плохо!..

О, критик, не сердись! Ведь понимаю я,

Что точка зрения у каждого своя...

Аргус

ХАЛТУРА И ИСКУССТВО

Пал Филиппыч Петров, славный работяга и деятель Башосоавиахима, в своей энергии был неукротим и беспощаден. Любил, чтобы все было сделано чисто, без задоринки.

А народ нынче, как на грех, пошел жуликоватый, алчный. Тяп-ляп — и вырывает деньги с корнем. Пал Филиппыч от этого жестоко страдал и всякое тяп-ляп отделявал и дорабатывал до полного достижения.

Еще в 1926 году, в однодневной газете «Раз в год», писатель Л. Никулин халтурнул (конечно, не раз в год!) рассказиком «Икар». В рассказике изображался некий гражданин Чашкин, похвалившийся своим полетом на аэроплане, который в этот день и не летал.

Тема рассказа, как видите, чрезвычайно остроумная и оригинальная! Но изложеньице, надо прямо сказать, неважное, торопливое.

Пал Филиппыч однако не пренебрег и прочитал.

— Ох, уж эти мне, столичные, — грустно прошептал он, — больше форсят, а настоящей работы нет у них!

И, недолго думая, засел за письменный стол.

Два года сидел, не вставая, Пал Филиппыч.

Удручал естество.

А рассказ переделал. Рассказ получился шедевровый.

После двухлетней отчаянной работы новое произведение за подписью Пал Филиппыча было, наконец, торжественно напечатано в уфимской газете «Красная Башкирия» от 22 апреля 1928 г. за № 94.

Сколь сильно усовершенствовал никулинское творение Пал Филиппыч, можно судить по нижеследующим выдержкам из обоих рассказов.

У Никулина начинается так:

Во дворе, на подоконнике полуподвальной комнаты, занимаемой на улице имени Руژه де-Лиль, сидел некто Чашкин.

Пал Филиппыч «занимаемую» полуподвальную комнату улучшил в полном соответствии с идеалами жилищного строительства и начал свое повествование совсем иначе:

В светлой столовой двухэтажного дома, по Казарменной улице, сидел Леня Ошибкин, слушая меланхолическую игру на рояли Софочки Разбитовой.

Как видите, не тот коленкор! Дальше в обоих рассказах идет одинаковое место о каком-то мужчине, летавшем на аэроплане. Этого мужчину Люся (Софочка) поставила Чашкину (Ошибкину) за образец.

Чашкин сдержанно улыбнулся.

Это у Никулина. Товарищ же Петров описывает события по-своему:

Леня Ошибкин сдержанно улыбнулся.

Разница колоссальная! Правда, в дальнейшем повествовании фразы совпадают целиком, но зато концы у обоих рассказов абсолютно разные. У Никулина Чашкин хвастает несовершенным полетом так:

— Абсолютно незаметен отрыв, — сказал с тихой гордостью Чашкин. — Выключают мотор и страшно жаль... Прямо как Икар...

— Дурак, — сказала вдруг Люся — Дурак...

Вокруг почел у-то смеялись...

У Петрова совсем по-другому:

— Взлет от земли незаметен. Летчик выключил мотор, но страшно жаль... Прямо, как Икар...

— Осел, — вырвалось вдруг у Софочки. — Осел...

Вокруг раздался дружный смех присутствующих...

Там — дурак, а здесь — осел! А уж подписи совсем не похожи. Там — Л. Никулин, а тут — П. Петров.

Вот он каков беззаветный и честный работяга Пал Филиппыч Петров, самоотверженный деятель Башосоавиахима!

Побольше бы таких, и тогда вся наша литература безусловно удвоилась бы!

Раймонд Портянкин.

СВ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ

В путеводителе по Волге, изд. «Транспечать», про г. Ярославль говорится, что в нем замечательны «множество церквей, живописно возвышающих свои золоченые главы над крышами домов».

Прочтя о том, я морщил лоб,

И мысли мне мозги царапали:

— Ужели дьякон или поп

Путеводитель тот сострепали?..

Б.

НЕПОГРЕШИМЫЙ

Головотяп попал на шахтинский процесс...
И встали перед ним вредительства картины:
Развал в делах!.. Разбитые машины!..
Рабочих городков негодные дома...
Головотяп сказал:

— Эх ма!

За дело судят их!.. Мерзавцы ж деньги брали!..
А что встай в делах, машины и так дале,
Я то же делаю... Но только, братца, тпру...
С Европы ни копыа за это не беру!..

М. Андр.

ПОКАЯННАЯ СЮНДЮКОВА

Уважаемый Крокодил!

Не хочу ждать я, пока там меня вскроет какой-нибудь зубоскал-рабкор или ты, Крокодил, самолично всадишь свои вилы в мой бок... Сам пишу тебе! Самокритикуюсь! Слушай, уважаемый Крокодил!

Я совершил преступление. Состоя управделами Шадринского окружкома ВКП(б), я по сокращению штатов уволил со службы только-что вставшую после болезни машинистку Иванову. Сделал я это, каюсь, без всякого согласования с группкомом. Наплевал на группком. Изгнал, словом, из стен окружкома бедную мать-вдову с двумя детьми, учащимися в школе-семилетке.

И оставил я на работе другую машинистку, Шупсину, имеющую одного ребенка, живущую у своего родного отца, партийца, ответственного работника, имеющего самостоятельное хозяйство, собственный дом, лошадь, корову и прочее...

Когда на меня налетели некоторые товарищи—почему я так неправильно поступил?—я ответствовал им, что квалификация машинистки Ивановой ниже квалификации машинистки Шупсиной. Это была моя сугубая, стопроцентная ложь, потому что еще три месяца назад я доказывал в своем окружкоме, что квалификация машинистки Ивановой выше машинистки Шупсиной. И на этой лжи меня поймали с полными мелкими мои подчиненные. Они, впрочем, вели себя тихо, только значительно переглядывались между собой и перешептывались...

Словом, я настоял на своем: машинистка Шупсина осталась на работе, а Иванова впала в бедствия. Я поступил совершенно незачинно, даже совсем безобразно, как поступали в древние времена чиновники царского режима:

— Что хочу, то и делаю!

И теперь, когда со всех сторон идет самая отчаянная самокритика, когда вскрываются всякие там нарывы и фурункулы, я, желая принять посильное участие в этой истинно культурной революции, смело заявляю:

— Я сделал пакость—судите меня! Но будьте человечны и не судите строго. Видите, я каюсь, стою перед человечеством с обнаженной грудью и ясным челом. Наказывайте меня, но так, чтобы не было очень больно!.. Но я даю вам слово, что от сего раза никогда в своей дальнейшей жизни, ни в какие века не стану я больше припадать к стопам ответственных отцов машинисток Шупсиних и даже своим детям и внукам закажу—высоко держать красное знамя справедливости! И с высоты той маленькой возвышенности, на которую я сейчас не без колебания взобрался, я обращаюсь ко всем своим трудящимся коллегам, ко всем мелким, средним и громаднейшим ответственным работникам—партийным и беспартийным—обращаюсь с глубочайшей просьбой:

— Товарищи! Не ждите пока вас вскроют. Потому что вас все равно вскроют. Крокодилы всевидящи! И всякого слопают. Так поспешите же, как и я, с саморазоблачением в свершенных делах своих, наделанных до провозглашения о самокритике! Пишите о себе, как о зле, и станете добром! Бейте по себе самокритикующим молотком — и выкуете сталь! Всех я зову к самообнажению!

Управделами Шадринского окружкома ВКП(б)
Сюндюков.

Письмо перехватил Л. Григоров.

КОЧЕВНИЦА

Про клубы летние решила пресса хмуро:
"Там прочное гнездо свила себе халтура!"
Завклубом возразил:—Сплошная ерунда!
Да что вы, граждане, совсем ослепли, что ли?..
Никак ей прочного не свить у нас гнезда:
Она ж является к нам только на гастроли...

М. А.

ЧУДЕСА БУМАГИ

Илья Петрович был рекордный зав. Он совершенно не признавал в отделе чужих людей. При чем тот же принцип он перебрал на дом, в котором жил. Благодаря его исключительной политике управдомом был его племянник Гриша и все правление состояло из домочадцев.

Чай сегодня пить Илья Петрович не мог,—уж очень он был раздражен самокритикой и другими неприятностями. И потом закричал:

— Позвать сюда бухгалтера Сашку!

Сашка—его старший сын, знаменитый писатель счетов и первый юморист папиного отдела, даже заявления писавший с тонким юмором,—быстро примчался к расстроенному папаше.

— В чем дело, папочка?

— Дело в том, что мне нужны деньги, а потому, Сашка, ты должен сегодня же умереть! Старший сын сделался еще старше от ужаса.

— Для тебя, отец, умру! Бей меня,—вот моя грудь!

— Не будь идиотом: не могу руки марать! Позвать сюда машинисток Катюку, Зойку и производительницу Верку!

Через пять минут пришли по всем правилам напудренные дочки.

— Мы здесь, папаша!

— Я знаю, что здесь. Вы должны мне сейчас же родить!

— Что ты, папаша? Мы же не замужем!

— Все равно, родите и никаких исходящих гвоздей, а ваши входящие глупости оставьте. И пошлите за управдомом Гришкой и за загсовым Колькой.

Через полчаса, утроенные для папаша раздражением, злобой и ожиданием, появились племянники—управдом Гриша с пробором справа и зав. загсом Коля с пробором слева, оба наодеколоненные и весело свистящие.

— Гриша,—сказал чадолюбивый отец:—убей этого глупого субъекта!

— Сейчас!—Гриша выхватил из кармана карандаш-ручку и написал:

«Дано сие гражданину Кутягину в том, что он благополучно скончался от обыкновенного гриппа. Справка предназначена для получения пособия на полагающиеся похороны. Управдом».

— Хорошо, умница!.. Теперь,—обратился повеселевший на 75 процентов зав к загсовому племяннику:—ну-ка, Коля, сделай от этих девчонок пять сыновей и две дочери!

— Ай!—взвизгнули дочери:—он с ума сошел, старый дурак!

Коля усмехнулся и написал:

«Дано сие Кутягину в том, что у него родилась дочь.

Зав загсом».

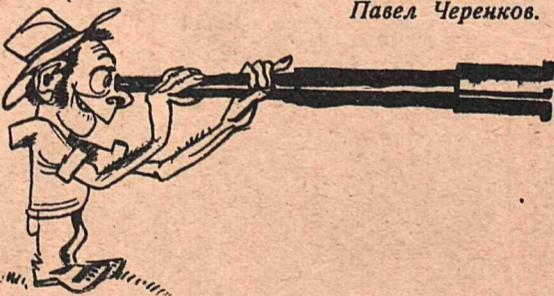
«Дано сие Кутягиной в том, что у ней в ночь на сегодняшнее число родилась двойня.

Зав загсом».

— Получите завтра же деньги на новорожденных и на похороны!

— А теперь пойдемте чай пить,—обратился к убитому Саше и родившим дочерям вооруженный с ног до головы бюрократизмом папаша.

Павел Черенков.

ПО ГРАДАМ И ВЕСЯМ

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

За неимением льва берут обыкновенную дворнягу и делают на ней надпись:

СЕ ЛЕВ, А НЕ СОБАКА.

Все обязаны верить на слово.

По этому рецепту поступил и Краснолучский райисполком на Украине.

Заведующим сельбудами полагается 55 рублей жалованья.

Исполком переименовал сельбуды в хаты-читальни и платит теперь заведующим вместо 55 только 40 делковых.

Да простят нам заведующие сельбудами за неприятное сравнение с собаками.

Но ведь жизнь-то собачья...

СОБРАНИЕ РЕДКОСТЕЙ

Музеи краеведения отличаются обыкновенно худосочием.

И только в Мелитополе музей поражает граждан своей пышностью и обилием экспонатов. Совсем недавно музей приобрел в Ленинграде (!) три редкостных чучела: волка, зайца и лисицы.

Кроме этого, достопримечательностью музея можно считать и то чучело, которое музеем заведует.

ВЕРХ ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТИ

Самым дисциплинированным работником в г. Кунгуре является заведующий типографией Работкин. Предложил ему зав. АПО окружкома ВКП Бирюков устроить свою жену. Работкин немедленно исполнил это, уволив долго работавшую конторщицу Полетаеву. На протесты же профсоюзных организаций Работкин ответил:

— Раз Бирюков предложил мне устроить его жену в конторщицы, я должен устроить.

Крокодил, нельзя ли вилами отцепить у Работкина его подхалимство?

— Что вы, что вы! Нешто мы разбойники, чтобы отнять у человека единственное его отличие.

КОНОТОП НЕ ОТСТАЕТ

Давненько мы не были в Конотопе. Там от спокойного житья тов. Матенко в окрпрофсовете почувствовал себя насадкой. Высиживает родственничков. Нажимая на послушный райком металлистов, всячески устраивает брата своей супруги некоего гр. Циленка.

Ничего не поделаешь: и цыпленки хотят жить!

КОМАНДИРОВОЧНЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ

Работники Севкавгосторга, по глубоко вкоренившейся привычке, ездят в Москву обязательно гуртом. Недавно компания в составе: коммерческого директора, главбуха Краповского, уполномоченного лесным отделом Вернера, зав. масляничным отделом Авдеева в одну поездку со сметами ухлопала около 2 тысяч рублей.

Вот это, действительно, сметливые ребята.

ПЕРМСКАЯ ПОЭЗИЯ

Пермь долго уклонялась от чести профигурировать в "Крокодиле", но, наконец, не выдержала старушка и засыпалась.

Открыли профработники "Красный сад" и ради рекламы выпустили 10 тысяч листовок со стихами, среди которых есть и такие: Готов солнце вдребезги разбить,—

Ну, как тут быть?

Думаешь, почесывая, извините, зад,

И убираешься в сад.

Вот произведение, написанное явно и откровенно с задней мыслью!

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Ох, и боевая администрация на тамбовском заводе «Красный Боевик». Несколько лет назад предоставила она в пользование рабочим табуретки, койки и стулья, высчитывая постепенно с рабочих их стоимость, а теперь администрация потребовала эту мебель обратно. Завком же на это дело смотрит сквозь пальцы. На что же жалуетесь, товарищи? Очевидно, ваш завком для мебели и существует.

32
031
20801

ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЯ

Рис. Д. Мельникова

Большой Академический Театр похож на шарманку с одной песенкой. Но... субсидию мы ему даем.
(Из статьи тов. Луначарского).

Тов. ЛУНАЧАРСКИЙ: — Уж очень жалобно поет. Придется дать что-нибудь!..